

7. Тургенев И. С. Собр. соч. в 12 т. Т. 7. – М.: Наука, 1981.
8. Троицкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. – М.: Панорама, 1991.
9. Kohut H. // How does Analysis Cure? Ed. A. Goldbein and P. Stepansky. Chicago: Univ. Chicago press, 1984.
10. Metzinger T. Being number one. The self model theory of subjectivity. Cambridge (Mass) MIT Press, 2004.

Г. Л. Горборукова,

*и. о. доцента направления «Социология»,
Американский университет в Центральной Азии*

Уровни гражданской и этнической идентичностей в современном Кыргызстане

История и культура, ценности и нормы, убеждения и интересы, системы восприятия и вероисповедания – это лишь некоторые из многих структур единого комплекса, которые в итоге составляют идентичность общества. Они же, переплетаясь в повседневной практике, формируют идентичность личности. Данная статья является попыткой обобщения результатов исследования этнической идентичности части населения Кыргызской Республики. Этническая идентичность исследовалась через: 1) призму отношения респондентом себя к определенной этнической группе и выявления совокупности представлений о ней – это некий образ «мы» идентичностей, отношение себя к государственной общности; 2) выявление спектра отношений с другими этническими группами на разных уровнях общения – государственном, групповом, профессиональном и личном¹.

По мысли американского социолога С. Хантингтона «**идентичность** – самосознание индивида или группы. Она представляет собой продукт самоидентификации, понимания того, что вы или я обладаем особыми качествами, отличающими меня от вас и нас от них (2, с. 50). Важность изучения идентичности заключается в том, что она «определяет поведение человека» (2, с. 50).

В образ «мы» включаются автостереотипы, которые формируются на основании соотнесения с гетеростереотипами (представления о «других»), а также представления

¹ Данная статья основана на результатах социологического исследования «История и идентичность на примере Кыргызской Республики», при финансовой поддержке Фонда им. Фр. Эберта в Кыргызской Республике. Исследование было проведено в марте – ноябре 2008 года, захватив всю территорию республики. Методом стандартизированного интервью было опрошено 2000 человек, проживающих в разных районах, разного возраста и этнической принадлежности. В исследовании был использован метод квотной выборки с многоступенчатыми расчетами. Объем и тип выборки позволяет обеспечить результаты с точностью («+»/«-» 4%) и уровнем достоверности 0,97 на уровне республики в целом, что дает возможность генерализировать данные на все население республики.

о культуре, языке, территории проживания, историческом прошлом, государственности.

Весь этот набор, как правило, присутствует на групповом уровне сознания. Он находит отражение в мифах, легендах, литературе, произведениях художественного творчества, в текстах средств массовой информации, в программах общественных движений. На этом уровне термин «идентичность» наиболее адекватно отражает реальность.

Этническая идентичность является наиболее доступной формой социальной идентичности именно в нашей стране, так как бывшая советская паспортная система превратила «национальность» в расовую категорию, определяемую по «крови», тогда как в других странах это понятие означает гражданство.

Категоризация этнической идентичности осуществляется на уровне повседневного восприятия, на идеологическом уровне. Обыденное повседневное восприятие изучалось через анализ ответов на вопрос: «Какие из приведенных высказываний полнее всего отражают ваше понимание национальности?», где респондент имел возможность выбора трех вариантов ответов из предложенного списка. Половина респондентов связывают этническую принадлежность человека с некой данностью, на уровне примордиалистского подхода и религиозных оснований, а не с результатом социализирующих и интериоризирующих практик в жизни человека. Формирование этнической идентичности происходит по сценарию принятия или отторжения агентом системы примордиальных этнических ценностей. Семья в данном случае, будучи одним из основных институтов социализации, предлагает систему этнических ценностей, а агент либо их персонифицирует, либо отторгает.

В ответах опрошенных респондентов присутствует ярко выраженная «примордиалистская» составляющая этнической идентичности. Только 5,1% респондентов уверены, что этническая идентичность – это конструирующаяся практика в жизни человека, которую можно выбрать или изменить. В основном же (59,1%) респонденты выбирали вариант ответа «национальность дана человеку от природы или от Бога и менять ее нельзя», так как именно «благодаря национальной принадлежности у людей сохраняется память о предках» – так ответили еще 31,7% респондентов.

Если рассматривать данный вопрос в национальном разрезе, то на узбекскую этническую группу приходится наибольший процент согласившихся с утверждением о данности национальной принадлежности. Национальность как конструкт и право выбора – эту категорию чаще всего выбирали русские респонденты.

Здесь необходимо отметить, что в соответствии с целями исследовательского проекта, национальный состав респондентов был неравномерен. Основу выборки составила кыргызская этническая группа и потому данные, представленные в сравнении между этническими группами, скорее даны для некоего обозначения дискурсивного пространства, существующего между этносами, а не как доминанта массового сознания.

Кыргызстан представляет собой полиэтническое общество, поэтому агенту, проживающему в республике, постоянно приходится сталкиваться с представителями других этнических групп, у которых свои ценности, которые строят свою жизнь, опираясь, во многом, на ту структуру убеждений, которая присуща их этническим группам. «Идентичность определяется «самостью», являясь при этом результатом взаимодействия конкретного человека или группы с другими людьми или группами»

(2, с. 59), отмечает С. Хантингтон, и, следовательно, огромное влияние на самоидентификацию и поведение человека оказывает факт восприятия его другими людьми. Через это восприятие и осуществляется выстраивание коммуникативных площадок и структур взаимодействия между этническими группами.

Позитивные качества, которые присущи другим этническим группам с точки зрения респондентов, распределились следующим образом: по мнению большинства респондентов кыргызам присуща душевность, узбекам и казахам – трудолюбие, русским – честность, немцам – активность. Устойчивые этнические стереотипы чаще складываются в результате действий социализирующих агентов и являются показателем социальной установки личности на принятие/непринятие той или иной этнической группы и, соответственно, в определенных жизненных ситуациях – проекцией действия в сфере межэтнических отношений. В настоящее время можно сказать, что данные оценки имеют положительный межэтнический настрой.

Вопрос об особенностях национально-психологической идентичности связан со спецификой процесса самоидентификации населения Кыргызстана, с тем, кем ощущают себя люди, кто для них «мы», а кто – «они». Официальная иерархия идентичностей, существовавшая в бывшем советском обществе, предполагала одинаковый сценарий жизненных стандартов – держава, коллектив, семья и человек. И строгая система таких уровней идентичности не предполагала каких-либо вариантов. Каким образом дело обстоит сейчас? К кому респонденты испытывают наибольшую близость, с кем ощущают чувство общности: с реальным кругом повседневного общения или с абстрактными социальными символами? Только ответив на данные вопросы, можно попытаться понять перспективы складывания целенаправленных групповых объединений, интересов и умения отстаивать свои интересы.

Решая задачи нашего исследования, мы попытались найти ответы на эти вопросы и очертить различные виды возможных идентичностей. Если говорить об устойчивых самоидентификациях, то решающую роль здесь играет самоидентификация с обществом – более половины опрошенных в первую очередь причисляют себя к гражданам Кыргызстана – 55,6%. Второй по значимости уровень устойчивых самоидентификаций связан с чувством общности с вполне реальными группами людей – семью и родственников назвали 39,0% респондентов. Третий уровень идентичности стабильно разделяют 31,1% населения, чувствующие свою близость с представителями своей национальности. Далее идут в порядке убывания «люди моего поколения» и территориально-поселенческий тип идентичности – 16,0% и 10,8% соответственно. Затем символический тип советского общества, идентичность с которым разделили 9,6% опрошенных и для 9,4% ответивших маркером групповой идентичности выступает ее религиозный компонент. Культурный и профессиональный аспекты идентичностей также можно отнести к данной категории. Наконец, последнюю группу составили относительно малораспространенные самоидентификации, которые разделял небольшой процент населения – представители юга, люди одинакового достатка, представители родовых объединений и представители севера.

О чем может свидетельствовать такое распределение идентификаций? Прежде всего, в данных уровнях для респондентов не слишком значимы так называемые абстрактные символические общности. Вполне естественно и устойчиво выглядят реальные общности – такие как семья, близкие, друзья, что вполне закономерно. Но

очень значимой идентификацией представляется гражданская позиция, это важное ощущение макроидентичности как чувства принадлежности к большому сообществу, ощущение себя частью чего-то большого, а именно граждан Кыргызстана. Если рассматривать данный уровень идентичности в возрастном разрезе, то большинство респондентов 30-39 лет (25,3%) указали этот вариант ответа. Наиболее низкий уровень макроидентичности отмечается в возрастной группе 50-59 лет и составляет 7,9%.

В национальном разрезе присутствует также символический уровень идентификации советского сообщества, и наряду с этим четко выражен аспект абстрактного причисления себя к группе «северян», что, по меньшей мере, заставляет задуматься. Трудно сказать, что здесь играют решающую роль особенности национальной культуры, использование властями карты регионализма как беспроигрышного маркера в борьбе за политическую власть и социализация населения в этих категориях, или же другие факторы. Безусловно одно – абстрактные, символические общности все еще присутствуют в жизни наших сограждан.

Таким образом, каждый гражданин Кыргызстана внутренне включен в систему очень сложных социальных ролей и связей, важность которых для разных людей далеко не одинакова. Для большинства из них сейчас не важны абстрактные макротерриториальные общности – люди планеты или сообщество стран СНГ. Зато важны макрообщности, отражающие духовную близость людей во всем ее многообразии, – люди той же культуры, религиозных убеждений, той же профессии, того же поколения, представители «моей национальности», т. е. такие макрообщности, которые заставляют искать интегрирующие линии отождествления себя с внешним миром.

Гражданский фактор в этой связи оказывается гораздо важнее, чем фактор национально-этнический. В этой связи очень важно понять, в каких жизненных ситуациях люди ощущают свою национальную принадлежность. Как выяснилось в результате исследования, наибольшую причастность к своей этнической группе респонденты ощущают при общении с представителями других национальностей – 38,8% выбрали именно этот вариант ответа. Вероятно, это закономерный процесс, так как конструирование идентичности может происходить только в условиях взаимодействия конкретного человека или группы с другими людьми или группами, которые могут продемонстрировать отличие данного индивида, и здесь наиболее ярким отличием будет другая национальная принадлежность.

При общении с соседями, на работе, в общественном транспорте, при обращении в органы власти и в повседневной практике взаимодействия в магазине, на базарах и в больницах значимое большинство не думает о своей/другой этнической принадлежности.

В анкете был задан вопрос, который одновременно выявлял степень актуализации этнического «я», затрагивал сферу межэтнической коммуникации и служил «контролем» для фиксации негативных гетеростереотипов.

Этническая принадлежность окружающих для большинства – 60,0% респондентов – не значима в практике повседневного общения, 10,9% ответивших замечают этничность только в случае негативных жизненных коммуникаций и 27,7% – вольно или невольно фиксируют свое внимание на признаках этничности.

На наш взгляд, эти данные представляют собой косвенное свидетельство, во-первых, общей актуализации этнического фактора в частной жизни человека, а

во-вторых, некоторого напряжения в сфере межэтнических коммуникаций, когда не-симпатичность человека маркируется его этничностью.

В основном респонденты не сталкивались с негативными маркерами своей этнической идентичности – чувством обиды, стыда, унижения – 60,6%, 28,7% респондентов только иногда в своей жизни испытывали подобные негативные эмоции. Только 9,7% опрошенных ответили, что они часто испытывают стыд, унижение и обиду по поводу этничности, 9% респондентов не смогли ответить на данный вопрос.

Чувство гордости за свою нацию испытывали огромное большинство ответивших – 83,85%, отчасти и иногда подобные ощущения испытывали 10,1% и только 5,2% респондентов не испытывают ничего подобного в связи со своей этничностью.

Если рассматривать вопрос в возрастном разрезе, то больше всего гордятся своей этнической принадлежностью люди старшего поколения, начиная с 40 лет, для представителей молодого поколения этничность не так часто становится предметом гордости.

Для измерения степени терпимости или предубеждения, существующих в отношениях между группами (в том числе и этническими), нами была использована так называемая кумулятивная шкала Богардуса, которая позволяет вполне адекватно и надежно определить расстояние между «нами» и «ими» по некоторому континууму признаков, к которым относятся соседство, работа, межличностное общение, семья.

Предполагается, что если человек не возражает против вступления в брак с членом другой этнической группы, то он ничего не имел бы против и соседей другой национальности. В этом и состоит кумулятивность шкалы, которую можно варьировать по числу включаемых признаков социальной дистанции. Как оказалось, большинство респондентов характеризуются позитивными гетеростереотипами и не являются сторонниками агрессивного этнонационализма. Половина ответивших согласны принять в члены своей семьи представителей других этнических групп – это высокий уровень межэтнической толерантности, и только по 8,1% и 8,2% соответственно согласны жить в одноплеменной городской/поселенческой среде и в моноэтническом государстве.

Важную закономерность выявил французский социолог М. Доган: «Чем выше уровень образования, тем слабее националистические тенденции» (1, с. 56). И хотя М. Доган изучал националистические тенденции на анализе европейских обществ, данная точка зрения «работает» и на материале Кыргызстана: чем выше уровень образования респондентов, тем более позитивные установки в сфере межэтнических интеракций.

В ходе исследования мы пытались понять, кто, с точки зрения респондентов, лучше всего выражает их общественные интересы. Как следует из полученных ответов, явных политических фигур, организаций и групп на уровне государства респонденты не назвали. Большинство – 31,8% – затруднились ответить на вопрос, еще 26,8% сказали, что никто в Кыргызстане не озабочен защитой их интересов, 11,7% ответивших полагаются только на себя и 10,6% назвали Президента Кыргызстана. Таким образом, общая сумма ответов составила 80,9%, остальные называли конкретных политических лидеров, различного рода организации и сообщества, но их доли не превысили 2-процентный рубеж.

Данная тенденция должна насторожить власти, так как в массовом сознании отсутствует доверие к государственным институтам, однако отмечается неуверенность в своих собственных силах, отражающая фрустрационный уровень самооощущения населения в целом.

В разрезе этнических представлений каждая этническая группа отдает предпочтение «своим» центрам и лидерам и данный факт не вызывает удивления. На Россию и В. В. Путина рассчитывают, конечно, большинство русских, на узбекские организации – представители узбекской национальности. Подчеркнутая приверженность «своим» этническим центрам и лидерам вполне обоснованна, но вызывает беспокойство отсутствие ярко выраженных лидеров, пользующихся высоким доверием всего населения. Местные лидеры не пользуются популярностью среди всего населения.

Выше речь шла о том, кто пользуется доверием населения. Посмотрим теперь на полученные данные с другой стороны и попытаемся понять, в каком же обществе хотели бы жить кыргызстанцы. Как следует из полученных в ходе исследования данных, основополагающим при ответе на данный вопрос выступает тот факт, что традиции патернализма по-прежнему доминируют в сознании большинства населения. Неслучайно доминирующее большинство – 76,8% опрошенных – признались в том, что государство должно взять на себя обеспечение социально-уязвимых групп населения и еще 9,0% считают, что государство должно гарантировать минимальный уровень пенсий.

Как показывают результаты исследования, продолжающееся доминирование патерналистской ориентации в сознании населения обеспечивается двумя основными факторами – во-первых, сохранением значительной доли населения, чьи доходы прямо зависят от государства (госслужащие, бюджетники, пенсионеры – около 50% всего взрослого населения страны) и большой процент населения, живущего у официальной черты бедности, и, следовательно, объективно вынужденного рассчитывать в первую очередь на государственную поддержку и с ней связывать свои ожидания. А во-вторых, сохранением весьма значительной по своей численности доли «социально слабых» групп, фактически неконкурентоспособных на современном рынке труда, которые для поддержания сколько-нибудь приемлемого уровня жизни могут рассчитывать только на помощь государства. Очень низок процент населения, виденье мира которого строится на личной ответственности, индивидуальной свободе. Кыргызстан еще не является обществом эпохи модерна, и потому так ярко присутствуют тенденции слабого проектирования своего жизненного пространства.

Большинство опрошенных считают, что государство должно гарантировать бесплатное получение начального образования – 73,4% респондентов полностью и 17,0% согласны с таким утверждением. Только 8,0% респондентов в общей сложности не признали ответственность государства за гарантии бесплатного начального образования. 8,2% не согласны с тем, что государство должно обеспечивать бесплатное среднее образование, в то время как большинство – 89,0% считают, что государство должно обеспечить бесплатный доступ к среднему образованию.

В высказываниях респондентов существует некоторая вариативность точек зрения в отношении профессионально-технического и высшего образования, хотя и здесь велика доля тех, кто допускает некие альтернативные модели развития системы образования в Кыргызстане. Сторонники существования и государственных, и не государственных образовательных учреждений разделились непропорционально. Группа, возлагающая **всю ответственность за образование своих детей на государство**, оказалась больше на 20,9%.

Таким образом, в массовом сознании можно выделить два типа полярных точек мировоззрения: совсем небольшая группа людей, являющаяся носителем типа мен-

тальности, характерной для эпохи модерна, а так же группа сторонников традиционалистской ориентации. Кроме того, существует незначительная часть населения, составляющая промежуточный слой, которая не смогла выразить четко свою точку зрения. Соответственно, каждая из выделенных групп представляет себе отличные от других модели общества, в котором она хотела бы жить. Таким образом, можно «просчитать» потенциал населения, способного поддержать сдвиги и перемены в общественном переустройстве и планировать социальную политику государства.

Нельзя не сказать и о возрастном факторе. Молодое поколение больше тяготеет к модернистскому типу сознания, а старшее отдает предпочтение традиционализму. Однако в молодом поколении модернистская ориентация не стала доминирующей, в отличие от последовательного традиционализма старших поколений. Это значит, что рассчитывать на смену существующей сегодня в кыргызстанском обществе социокультурной модели взаимоотношений личности и государства в обозримом будущем вряд ли возможно.

В отношении следующего базового института общества – здравоохранения – оценки и отношения респондентов также оказались весьма сходными и имели тенденцию традиционализма в дискурсах ответственности государства. Значимое большинство населения (68,8%) также отдает приоритет государственной политике финансирования и обеспечения системы здравоохранения.

Из институтов культуры, по мнению респондентов, государство должно в первую очередь финансировать телевидение – 31,5%, библиотеки – 25,5% и драматическое искусство (театры, балет, мюзиклы) – 13,8%. Такие значимые направления как спорт, художественное творчество, развитие языковых навыков, детских учреждений не набрали даже 1% голосов. Удивительно, что в образовательном разрезе отсутствует положительная корреляция между уровнем повышения образования человека и значимостью поддержки государством библиотек, зато есть положительная корреляция между образованностью личности и мнением о поддержке телевидения.

Несмотря на мощное взаимовлияние культур, близость западных стандартов жизни, открытые границы и эпоху постмодерна, наше население все еще не привыкло полагаться только на себя и планировать жестко и прагматично свое жизненное пространство. Все еще большая часть жизненных ситуаций остается вне поля зрения самого индивида, отдается на волю случая или считается сферой государственной ответственности.

Принято считать, что в периоды научно-технического прогресса и в век развития скоростей нарастает и скорость социального развития, изменения ценностных приоритетов людей, формирование новых адаптационных стратегий жизни и структурирование новых форм габитусов. Причем в условиях переходного трансформационного общества, каким является Кыргызстан, подобные процессы должны носить особо выраженный рельефный характер. Но как показывают данные проведенного исследования, духовно-психологическая инфраструктура общества и ценностные доминанты массового сознания не изменяются так быстро, как экономические и политические институты общества.

Понятно, что амбивалентная конструкция этнокультурной идентичности с некритической легкостью усваивается различными «сообществами сопротивления» глобализму лишь потому, что феномен идентичности переводится ими с уровня рефлексии

на уровень идеологии, т. е. из элитарного акта самосознания идентичность невроза становится товаром массового потребления. Главными источниками исходящих от глобализма опасностей в «сообществах сопротивления» считаются, во-первых, растворение автономных институтов, организаций и коммуникационных систем, в которых люди привычно жили в обществе доиндустриальной и индустриальной экономики; во-вторых, всеобщая взаимозависимость и «сетевая гибкость», которая затушевывает границы членства в локальных сообществах, индивидуализация социальных отношений производства; в-третьих, кризис патриархальной семьи, коренящийся в трансформации механизмов обеспечения безопасности в семье, системы социализации, сексуальности и, следовательно, самих устоев построения личности.

Литература

1. *Доган М.* Сравнительный анализ спада национализма в Западной Европе: динамика взглядов поколений // *Международный журнал социальных наук. Сравнительная политология: демократия, национализм, режимы Третьего мира, правящий класс.* – М.: 1993, № 3.
2. *Ханитингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М.: Транзиткнига, 2004.

G. Isabekova, S. Mayjanova,
American University in Central Asia.

Central Asian Cooperation on Water Issues and Ways of Its Improvement

According to the UN report, nowadays 460 million people live in the scarcity of water and this number would increase to two-thirds in 2025 if the consumption rises the same way as it is on geometric series. (16) This problem is basically related to the growing population: according to the preliminary UN research on the coming half century in contrast to unchangeable quantity of water resources the population of the Earth would increase to more than 9.3 billion people. (16) Thus, if now 70% of water resources are used in agriculture that represents only 17% of the total area agriculture but 40% of the world's food product in future that number would rise and the water shortage would lead to the decrease of food. (18) That is why reasonable management of this natural resource is very important for all countries in the world.

Water resources (rivers, lakes) from its nature are usually transboundary and shared by two or more states that strengthen the existing problem of water scarcity. Today 261 international river basins cover 46% of the planet and 19 of them are shared by five or more states. (11) The issue is intensified with the sovereignty of states, which is confirmed by the international law stating that individual states have rights to control territorial resources and utilize rivers and lakes in the “reasonable manner for the wealth of its nation.” (15)